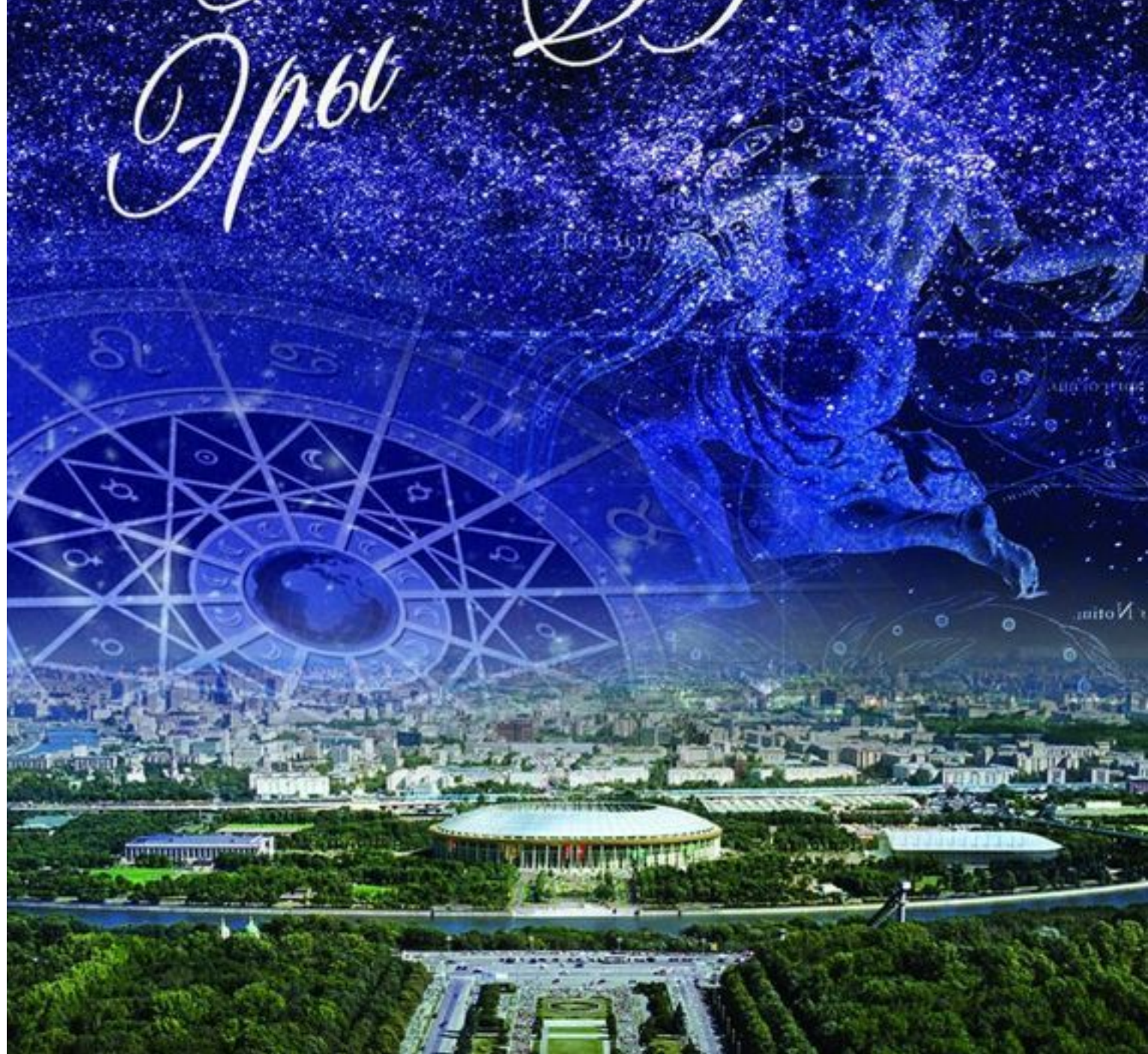

Людмила Миловацкая

Накануне
Водолея
Зрбы

Людмила Миловацкая

Накануне эры Водолея. Книга 1

«Издательские решения»

Миловацкая Л.

Накануне эры Водолея. Книга 1 / Л. Миловацкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742333-9

Действие романа происходит в 80-е годы прошлого столетия в нашей стране. Об этом времени сказано много и многими, и суждения эти столь противоречивы, что можно подумать: речь идет о разных странах и чужих людях. Автор не предлагает свою версию недавнего прошлого России. Это роман о преданности своему делу, о настоящей дружбе и большой любви — об истинных человеческих ценностях, что присущи людям любой эпохи. Это еще одна глава из саги о Великой стране и ее жителях.

ISBN 978-5-44-742333-9

© Миловацкая Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Накануне эры Водолея

Книга 1

Людмила Миловацкая

Но и простой гражданин должен читать историю.

Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках;

утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось;

она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости,

которая утверждает наше благо и согласие общества.

Н. М. Карамзин

Дизайнер обложки Екатерина Бирюкова

© Людмила Миловацкая, 2018

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-2333-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Совки! Надо же слово такое придумать, – бросил трубку Алексей.

– Ты чего сморщился, будто лимон без коньяка скушал? – улыбнулся Петька.

– Да Макс... просто утомил своими неологизмами: «Совковый менталитет, совки...»

Какое пренебрежение к своему народу! К себе самому...

– Это в тебе великодержавный русский шовинизм говорит, Лёшенька. Он у вас просто в крови! – не без ехидцы заметил приятель.

– У кого это – у нас?

– У вас, у дворян.

Громко зевнув, Пётр поднялся из-за стола, с тоской посмотрел в окно: из дверей соседнего корпуса, один за другим, выходили сотрудники: «Счастливички!»

– Брось молоть чепуху! Нашёл дворянина! И какой там к чёрту шовинизм! – лениво огрызнулся Алексей. – Мы и русскими себя называем через раз, с оглядкой: мы – советские. Мало нам того, нашли новое словцо, вовсе паскудное – «совки»...

– Диалектика Гегеля в действии. Потомка русских дворян Алексея Северина коробит пренебрежительное отношение к советской власти, а кухаркин сын Максимка Тюрин, этой властью взлелеянный, презирает и ненавидит её, – Пётр говорил нарочито назидательным тоном: ему было жарко, скучно, томно... От нечего делать, он расхаживал по лаборатории, переставлял с места на место реактивы, отчаянно зевал...

– Перестань маячить! – оглянулся на него Алексей. – Я говорю не о власти, а о стране, о народе...

– Так и я – о народе! Точнее, об отдельных его представителях! – послушно приостановился Петька.

– Готов поспорить, что Макс на всё пойдёт, только бы выехать из Союза. Что, скажешь, не так?

«Оседлав» стул, Пётр воззрился на приятеля.

– Даром он, что ли, на Наташке Тайницкой женился? И не посмотрел, что она с половиной института переспала! Зато – и распределение в кардиоцентр, и темочка для диссера беспроектная, и в Америке на стажировке уже два раза побывал...

– Это его дело! – нахмурился Алёша.

– В общем и целом согласен, – примирительно поднял руки Пётр. – Скажи, у тебя ничего пожевать не осталось?

– Да ты что, мы ведь с час назад обедали!

– Я ж говорю, у тебя врожденная склонность к преувеличению! Назвать два жалких бутерброда с колбасой обедом! – вздохнул приятель.

– Пойдём к девчонкам в микробиологию, у них наверняка найдется что-нибудь вкусенькое.

– Ступай один, я лучше почитаю что-нибудь.

– Похвальное желание, юноша. Стало быть, встречаемся на «тихом часе» в конференц-зале.

– Угу...

Алексей тоже не находил себе места. Вынужденное безделье раздражало его страшно. Запланированный эксперимент сорвался – всю партию его мышей прибрал к рукам Борька Фитисов. Вернее, их перехватила его шефиня, заведующая биохимической лабораторией. Правду сказать, сделала она это интеллигентно: сначала подошла к нему, поплакалась – у её подопечного все сроки горят с диссером, через месяц надо подать черновой вариант, а у того и конь не валялся.

Сделав значительное лицо и подняв пальчик, Стелла Юрьевна доверительно сообщила:
– Строго между нами, у Бориса серьёзная личная драма – ему надо помочь, а мы в долгу не останемся. Мы уже заказали «блэков», как только их привезут – все ваши.

Алексей отлично знал, что за драма была у Борьки – квасил, мерзавец, три месяца подряд. Жена выгнала его из дома, он жил то у матери, то в общежитии у ребят из Второго меда, со всеми вытекающими последствиями. Ничего этого, разумеется, он говорить докторице не стал.

Женщина она деликатная, легковёрная. К тому же этот паразит был её первым диссертантом, и к своим обязанностям она относилась с чрезвычайной серьёзностью. Зачем её разочаровывать...

– Разумеется, мои мыши и я сам – к вашим услугам, – Алексей галантно поклонился и приложился к ручке.

Стелла, захлопав глазами и зардевшись, как маков цвет, попятилась к двери:

– Спасибо, я не сомневалась в вашем благородстве.

Алексей, слегка склонив голову, не сводил с неё глаз. Ему нравились дамы бальзаковского возраста, и если бы он решил приударить за кем-нибудь из своих коллег, выбрал бы её. Она смешная. Но Стелла находилась под чужой юрисдикцией. У каждого нормального мужика в институте был свой круг опекаемых им женщин. Отдельные товарищи, давно покинувшие «большой спорт», цинично называли это окружение курятником, но это исключительно из зависти. На самом деле все прекрасно знали, насколько широк спектр этих отношений – от доверительно деловых до романтических. Хвастаться победами было не принято, тем не менее негласный «джентльменский счёт» вёлся.

«Вот чёрт, что же делать? В любой другой день он благополучно слинял бы с работы. Сегодня для этого была почти уважительная причина. В Пушкинский привезли несколько картин великих итальянцев, среди них – «Дама с горностаем». Девчонки с соседней кафедры уже час, как уехали, чтобы занять очередь в музей, – говорят, там столпотворение. Но, как на грех, сегодняшний четверг выдался последним в месяце – время очередного политзанятия.

Можно было опоздать на работу, уйти раньше времени, сказаться больным или взять библиотечный день. Но пропустить политзанятие?! Ни-ни! С этим в институте было строго. К общественной работе здесь относились, как к священной корове, – все знали, что ректор сделал на ней свою карьеру. Он и не скрывал это, и не уставал призывать к активной деятельности своих сотрудников».

Вспомнив его сакраментальную фразу: «У научного сотрудника не может быть свободного времени. Если он не проводит эксперимент, значит, читает специальную литературу или осмысливает её», Алексей почесал в затылке: «Возможно, в этом старик очень и очень прав. Но читать научную литературу в такую жару!..» Тем не менее Алексей взял в руки толстый журнал, лениво просмотрел оглавление, зацепился глазами за любопытное название статьи, открыл её... и едва не опоздал к началу занятий.

Хорошо, что Петька Черников забил хорошие места – не на последнем ряду, всё равно с них сгонят, а в серединке, зато позади сотрудниц из микробиологии. Все они, как на подбор, были дамы высокие, в теле, да еще с высокими пышными причёсками. Сидеть за ними – одно удовольствие: можно было всласть поспать, подумать о своем, поработать над отчётом. Жалко, говорить даже самым тихим шёпотом не удавалось. У парторга слух!.. Чуть услышит – так глянет, а то ещё пересадит в первые ряды – сиди тогда, томись. Сегодня по плану должны были быть две лекции: как всегда, одну из них читал профессиональный лектор, другую докладывал кто-нибудь из сотрудников.

Лектор из общества «Знание» неожиданно заболел, оставалось прослушать только своего докладчика. Сегодня это была девчонка с кафедры отоларингологии. В расписании значилась лекция о политическом положении в странах Содружества. Спать под её доклад было любо-дорого. Голос тихий, ровный, без интонаций. Сладкая нирвана сотрудников была пре-

рвана самым неожиданным образом. Девушка читала доклад по бумажке – это не возбранялось, даже приветствовалось – и, по-видимому, не очень вдумывалась в текст. Механически перечисляя глав СЭВ, произнесла: товарищ Хонакер. Ударение было поставлено на второй слог, от чего имя первого секретаря Германской Демократической Республики звучало чрезвычайно игриво, даже вызывающе. Алексей кожей почувствовал оживление в зале, приоткрыл глаза, обернулся на Петра – тот подмигнул живым карим глазом, будто и не спал только что, свесив буйну голову на широку грудь.

Друзья осмотрелись и с удовлетворением отметили: аудитория взбодрилась, даже Сергей Васильевич проснулся. Он был неизменным председательствующим на всех многочисленных собраниях, конференциях и прочих необходимых общественно-политических мероприятиях.

Сергей Васильевич, в отличие от других, никогда не отнекивался от подобных поручений, за это его любили товарищи и ценило начальство. С первой же минуты выступления он надевал очки с тонированными стеклами, облокотившись на стол, принимал позу задумчивого ученого и впадал в глубокий, здоровый сон. Но точно к концу доклада он просыпался, поднимал голову и, протирая очки, солидным бархатным баритоном произносил несколько итоговых слов, всегда к месту и по делу. Как ему это удавалось? Загадка!

Чуткий слух Сергея Васильевича, естественно, уловил фривольную игру ударений и немедленно отреагировал: снял очки и посмотрел круглыми близорукими глазами на девушку удивленно и даже как-то испуганно. Та своей ошибки не заметила и продолжала монотонно бубнить. Сотрудники постепенно успокоились и заняли свои обычные позиции. Татьяна между тем перешла к обстановке в Чехословакии и назвала первого секретаря страны «товарищ Гусак», опять-таки поставив ударение на втором слоге. Зал вздрогнул. Сергей Васильевич, не зная, как следует реагировать на такие ошибки, побагровел и стал несколько раз кряду снимать и надевать на нос очки. Лица большинства сотрудников, также утратив свою благородную бледность, задрожали, на глазах выступили слёзы. Люди были воспитанные, проверенные, ко всему привыкшие. Не имея возможности посмеяться вслух, тихо постанывали, кряхтели и вздыхали. Сидящим «на Камчатке» довелось увидеть небывалое зрелище: коллеги, сидя плечо к плечу, клонились то в одну, то в другую сторону, образуя своими торсами бело-снежные волны.

Девушка между тем, сделав глубокий вздох, стала зачитывать заключительную фразу, знаменующую торжество идей социалистического сотрудничества. Последние слова утонули в оглушительных аплодисментах. Народ наконец-то получил возможность выплеснуть накопившиеся эмоции. Выдохнув из зажатой груди воздух, бедолаги возглашали:

– Спасибо за интересный доклад! Молодец, Танюшка, приходи ещё! Это был лучший доклад в этом году.

Удивленная и обрадованная своим успехом, Татьяна покраснела, неловко поклонилась и покинула кафедру. Сергей Васильевич решил не заострять внимание на невольных ошибках – благо, посторонних сегодня не было. После её ухода просто развёл руками.

– Мы должны быть снисходительны к девушке – это её первый доклад в чужой аудитории. Следующее занятие будет ровно через месяц! – перекрикивая шум спешащих на волю коллег, сообщил Сергей Васильевич.

В общем, всё закончилось вполне благополучно. Настроение у всех было отличное, многие решили задержаться на работе, чтобы «попить чайку» в родном коллективе. Алексей и Пётр отказались от соблазнительного предложения, резонно заметив: пить в такую жару не здорово...

– Ну, куда махнём? – сощурился на яркое солнце Пётр. После прохлады лабораторного здания жара казалась особенно ощутимой. – Какие планы?

– Ты уже забыл про Пушкинский?

– Не мудрено, после такого замечательного спектакля. Только давай зайдём в пирожковую на Кропоткинской. Думаю, девушки к тому времени только-только подойдут.

– Ты ведь перед собранием успел отметить в микробиологии!

– Ну и что, есть всё равно хочется. Да там и были какие-то пустяки: булочки, сырки. Всё-таки несерьёзный народ девчонки, лучше бы на эти деньги колбасы или сосисок купили.

Умопомрачительная жара никак не отразилась на аппетите молодых людей. Привередами они не были – съели по две порциипельменей, выпили кофе с пирожками и, ощущая приятную сытость в животах, не спеша направились к музею. Торопиться не хотелось: не попадут сегодня – завтра пойдут. По дороге задержались у ограды бассейна «Москва». Его оголённые кафельные стены наводили уныние.

– Вот бы сейчас окунуться! – мечтательно вздохнул Пётр. – И какой дурак придумал чистить бассейн летом, где логика?

– При желании логику можно обнаружить во всём, – лениво возразил Лёша. – Или ты не научный сотрудник? А кроме того, разве ты не замечал, сколько у нас тайных последователей товарища Мао? Как он говорил?

– «Слишком хорошо – это плохо»?

– Во-во... Ну, потопаем, печёнкой чувствую: девчонки изнервировались в ожидании нас.

Глава 2

Девушки увидели их издалека. Замахали руками, выбежали навстречу и затолкнули в очередь. Никто особенно не возражал: чувствовалось, что народ основательно устал. Но им ещё пришлось постоять с полчаса. Пётр передал в лицах все события сегодняшнего собрания. Девчонки, представляя лежбище сотрудников в конференц-зале, ухохатывались.

А потом была прохлада и тишина музея, – они вступили в тайну, в Вечность. В небольшом зале, где выставляли итальянцев, было тесно. Перед каждой картиной тоже образовывались небольшие очереди, но посетители не торопили друг друга – каждый имел возможность вдоволь насладиться привезёнными шедеврами.

Стоя в хвосте перед очередным полотном, Алёша от нечего делать стал разглядывать посетителей. Увиденное озадачило его. Он не удержался, толкнув локтем друга, прошептал:

– Невероятно, это ведь те же люди, что стояли с нами на улице. Только что они сердились, толкались, ругались, ржали, а теперь... Ты только взгляни на них! Разве скажешь, что это совки? Разве их лица не так же значительны и красивы, как те, что изображены на картинах? Пётр молча кивнул головой.

Из музея вышли притихшими, задумчивыми. Говорить не хотелось. Молчание прервала Наденька, круглолицая весёлая лаборантка из микробиологии:

– Что ни говори, а искусство – это всегда таинство. Что такое талант? Почему одним людям он даётся с излишком, а другим нет? Ведь многие из нас тоже рисуют, сочиняют стихи, лепят, поют, и никого это не волнует, за исключением родителей, конечно. Что отличает добротню сработанную вещь от шедевра? Где грань между ремеслом и искусством и почему большинство людей это без труда различают?

Алексей с Петром переглянулись: «Ого! Какие мысли у этой простушки! Впрочем, простушки ли?»

Слушая Надины рассуждения, Алексей невольно вспоминал свои дискуссии с отцом по поводу Советской власти. В последнее время они возникали всё чаще. Сколько раз уговаривал себя не ввязываться в спор, но отец умел завести. Щадя отца, его большое сердце, он зачастую не выкладывал все свои аргументы, свидетельствующие о явных ошибках власть имущих. Но и соглашался с трудом и не часто.

Сейчас вынужден был признаться, что одним из бесспорных достижений большевиков было привлечение народа к высокой культуре.

После небольшого периода экспериментов, приходящегося в основном на период НЭПа, был взят курс на мировую классику. Шекспир и Гёте, Бетховен и Моцарт... итальянская живопись и другие шедевры мировой культуры стали неотъемлемой частью повседневной жизни простого человека.

Лозунг «Культура в массы» оказался не пустоцветом, идея прижилась и дала замечательные всходы. Что бы ни говорили, но тяга советского народа к искусству – очевидна и неоспорима. За расхожей фразой «Советский человек – самый читающий в мире» стояла простая статистика. Да что там статистика! Достаточно посмотреть на людей в транспорте, уткнувших носы в толстые журналы. А очереди в музей, запись за книгами!.. Разумеется, некоторые делают это не столько по зову души, сколько следуя существующим правилам. Притча во языцех – граждане, приобретающие собрания сочинений как дополнение к мебели, как модный аксессуар.

С другой стороны, подобная мода, очевидно, полезней любой другой. Что толку от того, что все вырядились в американские джинсы? Впрочем, если подумать хорошенько, эта мода тоже не бесполезна. По крайней мере, для него лично: один раз приобрел у фарцовщиков фирменные штаны – и надолго свободен от нудного поиска приличных брюк. Это за границей

в джинсах могут не пустить в ресторан или в театр, у нас они пропуск в любое место. Смешно, но весьма удобно и выгодно.

Пётр, обладавший более рациональным, «нордическим» характером, первым пришёл в себя после эстетического шока:

– Ну что, девчонки, по мороженому? Мы ваши должники. Выбирайте, куда пойдём? В «Север», в «Космос»?

– Нам всё равно. Где очередь поменьше, – уже привычно хихикали девушки.

Им повезло – «Север» только-только открывался после какого-то перерыва, они попали в первую же партию посетителей. По дороге ребята выяснили, у кого сколько денег, а их оказалось на удивление много – на круг тридцать рублей, это перед получкой-то!

– Ого, гуляем! Можно заказать даже шампанского! – радостно потирал руки Петюня.

А подавая девчонкам карту, смело бросил:

– Выбирайте всё, что хотите.

Девушки, пробежав глазами по строчкам меню, выбрали что подешевле.

– Нет, девчонки, вы не правы, – заявил Пётр и подозвал официантку.

Та подошла со скучающим видом. По мере заполнения бланка со счётом, выражение её лица менялось на глазах. После заказа шампанского и фруктов, официантка и вовсе проснулась, даже соизволила улыбнуться. Эта уморительная синхронность отмечалась почти во всех кафе и ресторанах, о ней было уже столько сказано, сочинено столько анекдотов и фельетонов... Но ситуация повторяется из раза в раз, вызывая не только улыбку, но и некое подобие уважения. Действительно, в стране не так уж много традиций. Эта – одна из них.

– А что, за границей тоже дают чаевые? – обратилась к Петру симпатичная Светка. Всем бы хорошая девушка, только вот слишком явно претендует на парня, а вернее сказать, на прописку в его трехкомнатной малогабаритной квартире. Сама она, учась в Первом медицинском, жила в общежитии.

– Конечно, везде так. Только там всё это выглядит поцивильнее. По существу, для каждого заведения есть своя такса чаевых, она даже указывается в справочниках. Это очень удобно. Попробуй не дай их в гостинице – не дозовёшься потом носильщика, да ещё ославят по всему миру.

– Как это? – удивилась Наденька.

– Очень просто: у тамошних ребят существует настоящая цеховая солидарность. Уж как они передают друг другу сведения о клиенте жмоте?... Только в других гостиницах ему несдобровать!

Официантка принесла заказанное. На поверку она оказалась вполне симпатичной тёткой.

– Вы заказали виноград, я принесла вам персики. Виноград мелкий, кислый и дорогой, а персики вкуснее и дешевле.

Расплачивались с ней, когда девушки отошли «попудрить носик». Это тоже было своеобразной традицией. Разные ведь бывают ситуации, порой не хватает несколько копеек, а иногда просчитаешься по-крупному так, что приходится оставлять часы под залог. В счёте значилось двадцать шесть рублей пятьдесят копеек. Петюня вдруг расщедрился: отдав тридцать рублей, небрежно бросил: – Сдачи не надо.

– Ты что это разошёлся? Это много. Вот рубль пятьдесят взяла, два сдаю, на них целый день прожить можно, – с достоинством произнесла официантка. И добавила укоризненно: – Ты ведь, наверное, деньги не с дерева снимаешь, работаешь за них каждый день.

– Работаю и учусь, да ещё подрабатываю на разгрузке вагонов, как все нормальные мужики.

Женщина понимающе кивнула головой:

– Мой сын тоже студент. У меня не берет деньги на гулянки, стесняется, что я официантка и беру чаевые. Говорит: сам буду подрабатывать. А что он может заработать? В институте на всё обращают внимание: и в чём одет, и какие часы...

Скосив глаза на посетителей, указала пальцем на их ноги:

– Куда сейчас без этих облезлых штанов, а сколько они стоят? А!..

Так что не осуждайте меня, мальчики.

– А мы и не осуждаем, – невольно поджав ноги, ответил Пётр.

Сейчас он её, действительно, не осуждал. Дураку ясно: трудно прожить на одну зарплату, каждый крутится, как может!

– Ну, куда теперь? – поинтересовались девушки.

– Махнём на Ленинские горы! – предложил Лёша.

– Точно, только поедем не на метро, а на речном трамвайчике, от Зарядья, – сообразил Петя.

Смеясь, толкаясь, балагурия, ребята шли по широкой улице Горького. Во встречном людском потоке было много таких же молодых, весёлых, беззаботных лиц. Впереди еще целый вечер – прекрасный, тёплый, московский. Да что там вечер! Впереди целая жизнь! И пусть говорят, что в Советском Союзе жить скучно, потому что их общее светлое будущее предсказуемо и неоригинально. У них будет своя, интересная, насыщенная, яркая жизнь! И в ней непременно много-много радости, встреч, любви, путешествий...

– Нет, братцы, мы живем совсем не в худшем из миров, – во весь голос заявил Пётр, вальсируя со Светкой под вырывающуюся из открытых дверей ресторана музыку.

– Это точно, – со смехом отзывалась прогуливающаяся публика.

– Нажрутся водки и радуются, – качал головой толстый швейцар за стеклом. – Завтра проспят, посчитают гроши и запоют про лучший мир другие песни! Да... Обмельчал народишко за последнее время – ни выпить, ни подать на чай нормально не могут. Глаза не глядели бы на эту интеллигенцию! Тьфу!

Глава 3

Домой Алёша вернулся далеко за полночь. Отец, разумеется, уже спал. Проскользнув на цыпочках в свою комнату, взял журналы, пошёл на кухню. От безукоризненной чистоты в ней веяло духом казармы. Единственным нарушением была покрытая белоснежной салфеткой тарелка с хлебом на столе. Это в память о матери. При ней всё здесь было по-другому.

Алексей поставил чайник на плиту, стал щипать хлеб с тарелки. Заглянул в холодильник – на полочках аккуратно расставлены продукты, всё строго по своим местам. Обычный набор: кефир, молоко, сосиски, грудинка, сыр, масло. После смерти мамы они не готовили дома. Отец получал на службе отличные продуктовые заказы, и, кроме того, им очень повезло с магазином. Прямо во дворе стоял маленький неприметный домик. Мало кто знал, что в нём всегда можно было купить свежие сосиски, сыр, даже ветчину, не говоря уже о молочных продуктах. Ассортимент был невелик, но зато всегда отменного качества.

Алексей заварил в стакане с подстаканником крепкий чай. Хороший чай – это от отца. Он готовил его сам, смешивая несколько разных сортов, по ему одному известному рецепту. Намазав вологодским маслом хлеб, Лёша нарезал толстые куски рокфора. «Вкуснотища! Лучшего ужина и не надо. Даже матушка, строгая ревнительница домашних ритуалов, смирялась с таким нехитрым блюдом».

Мама... Она дожидалась его в любое, даже самое позднее время: поднималась, кормила его. Если он не был голоден, подогрела чайник и делала такие вот бутерброды. Чай обязательно крепкий и сладкий, хлеб – белый, пышный. А масло пахло сливками.

Как матушка умела слушать, понять, не говоря ни слова, подвести самого к нужной мысли!..

После её смерти всё стало другим: намного упростился быт, вышли из обычая праздничные столы с многочисленными гостями, исчез милый беспорядок, придающий комнатам особый уют... В доме стало тихо, чисто и грустно. Дом и они сами остались сиротами.

«Ну ладно, пора баиньки, – вздохнул Алексей, – завтра вставать чуть свет! Поля страны ждут!»

В крохотном совхозном автобусе мест было мало. Сидели только женщины и пожилые сотрудники. Боевая часть коллектива, держась за неудобные высокие поручни, стоически боролась со сном. Впрочем, многочисленные ухабины и ямы на дороге не дали бы это сделать никому, даже впавшему в летаргический сон человеку.

– А ты переживал, что не успел сделать зарядку, – засмеялся Андрюшка Фролов, подпрыгнув на очередной колдобине, чуть не до потолка.

– Неправильная эта зарядка, у меня от неё весь ливер дыбом встал, – возразил Лёша. – После такой разминки часа два надо отлеживаться, не то, что работать!

– Какой вы привередливый, Лёшенька, – с улыбкой заметила его шефиня, Ольга Тарасовна, – посмотрите на своего товарища – спит, как младенец, даже в таком положении.

Ребята оглянулись на Борьку Фитисова. Тот, вцепившись мёртвой хваткой в металлическую палку, действительно умудрился заснуть. Впрочем, понять его можно – изгулялся мужик, вон одни мощи остались. Шатает бедолагу, болтает, как сухой лист.

– Не знаешь, кто его так уходил? – поинтересовался Пётр. Лёша пожал плечами.

– Это его пациентка, я её видел, – доверительно сообщил Леонид Матвеевич, только что дремавший на соседнем кресле. – Маленькая такая, тощенькая, с obtурационной желтухой. С неделю назад пришла к нему выписываться, принесла хорошего коньяку, французского.

– А вы откуда знаете?

– Как откуда? – искренне удивился Леонид Матвеевич. – Боря хороший товарищ, мы с ним эту бутылочку вместе оприходовали. Ещё Серёжа из инженерной группы к нам присоединился.

– Ну-ну, – нетерпеливо перебил его Петя. Про патоморфолога и так все знали: лучшего партнера для выпивки не найти. Во-первых, сколько бы ни принял на грудь – не закусывает, зажует какой-то специей из своего кармана и выглядит полным «огурцом». Во-вторых, и это главное, случись чего, никогда не выдаст, с кем пил и кто наливал. Кремень! – Дальше-то что было?

– Ах, ну да, – с досадой, что отвлекли от приятной темы, продолжил Леонид Матвеевич. – Дала, значит, коньячок и попросила его телефон – мало ли что, посоветоваться. Позвонила на следующий день и попросила заехать, проконсультировать. Сказала: я, мол, в долгу не останусь. Борис поехал – и вот результат! – указал он ладонью на болтающееся из стороны в сторону брэнное тело товарища.

– И это за неделю?! Сильна... – подключился сидящий рядом с ним Кирилл Петрович, старший научный сотрудник. – Вот, Петенька, всегда вам говорил: избегайте субтильных девиц. У этих малышек столько энергии!..

Леонид Матвеевич важно покивал головой. Дамы по этому поводу тихонько похихикали. Все знали, что маленький, щуплый доктор обожал крупных женщин. Прочих просто не замечал.

– Вот и приехали, – обернулся к пассажирам водитель автобуса. – Выгружайтесь!

Сотрудники, поёживаясь от свежего ветерка, смотрели на небо. На нём, слава Богу, ни облачка.

– Воздух-то какой! – потихоньку просыпаясь, восклицали учёные дамы, выгружая объёмистые сумки с провизией. Бросали их тут же, в ближайших кустах, срывали какие-то цветочки вдоль дороги, делали моментально вянущие букеты, плели венки.

– Вы почувствуете, какой аромат?! – восторгалась Стелла Юрьевна, поднося свой букетик к самому носу Борьки.

– Угу.

Бедняга еле ворочал языком, тем не менее, послушно вдохнул пахнувший бензином пучок травы с торчащими во все стороны колючими цветками.

– Согласитесь, так пахнут только полевые цветы, – продолжала щебетать докторица. Ей почему-то непременно хотелось, чтобы её подопечный разделял не только её научные воззрения, но и восторженное отношение к жизни.

– Куда до них садовым! – изобразив подобие улыбки на опухшей физиономии, согласился Борис. Шефиня ему нравилась: выполняет за него часть работы, подбирает нужную литературу, постоянно подкармливает пирожками. Делает всё это, будто стесняясь, и при этом ничего, ничего не требует взамен!

– Святая женщина, ей бы мужа попроще и троечку детей, – беззлобно посмеивался он в кругу друзей. Впрочем, другим говорить о ней пошлости не позволялось – это была его епархия.

Глава 4

– Так, товарищи, все подошли сюда! – хлопая в ладоши, призывала всех к порядку совхозный бригадир, симпатичная молодая женщина, Зинаида Кузьминична. Она уже несколько лет работала с шефами из института и знала многих сотрудников института в лицо. – Сегодня мы работаем на прополке морковки. Подойдите к грядкам, я покажу, как она выглядит.

Все послушно подошли к полю, глядя не столько на землю, сколько на Зиночку. Смотреть на неё было приятно – загорелая, белозубая, со стройным, крепким телом. Она, сама прекрасно сознавая это, вела себя с соответствующим достоинством. Вырвав одно растение, подняла его высоко над головой:

– Все видели? Не спутайте с сорняками. Если сомневаетесь, спросите у меня или у наших товарищей.

Совхозные товарищи, лежа в кустах неподалеку, снисхождением поглядывали на «ничемную интеллигенцию», не имеющую понятия, как выглядит морковкина ботва.

– Ваша норма отсюда – во-он до тех кустов!

Все с тоской посмотрели в указанном направлении. Цель казалась столь же недостижимо далекой, как горизонт.

– Ничего-ничего, я вам помогу, – приободрила Зиночка приунывших сотрудников и ловко принялась за дело: быстро-быстро выдергивала сочные сорняки, оставляя хиловатые хвостики благородного растения.

Горожане нехотя взялись за работу, но потихоньку втянулись. Где перекурили, где похихиляли...

Местные колхозники, уже датые, несмотря на раннее время, покрикивали:

– Эй, эрудиты! Давай не ленись, мать вашу! Чего встали!

Чтобы не очень надоедали, скинулись аборигенам на пиво – тех как ветром сдуло. В общем-то, никто ни на кого не обижался – понимали, что все они – невольные участники неведомо кем и для чего затеянной игры. Не надо было иметь большого ума, чтобы посчитать стоимость морковки, на прополке которой работали не только лаборанты и мэнээсовцы, но и профессора.

Разумеется, ни профессора, ни пожилые или болезненные сотрудники в поле не работали. Самым важным делом было отметить в списке – количество работающих должно строго соответствовать разнарядке. Считали по головам: сначала в городе, потом на месте, а уж кто явится на самом деле – не столь важно. Вместо них приходили дети, внуки, аспиранты... Все это принималось как должное и никогда не обсуждалось. И не потому, что боялись. Просто не хотелось говорить об очевидной глупости и портить отношения с институтской администрацией. И вообще, если «наверху» решили, что каждый сотрудник, не занятый в сфере производства, должен отработать на стройках народного хозяйства энное количество времени, – пожалуйста. В конце концов, «там» сидят люди неглупые, и возможно, во всем этом безобразии есть некий высший, непонятный простым смертным, смысл.

Иногда, вопреки негласным правилам, кто-нибудь из стариков являлся собственной персоной. Можно было только догадываться, для чего они это делали: скорее всего, это была демонстрация солидарности, молчаливый протест против очевидного маразма.

Сегодня был как раз такой исключительный случай. Их трудовой десант возглавлял профессор Георгий Владимирович Санорский, учёный с мировым именем, – он осуществлял общее руководство. Зиночка хоть и видела его впервые, сразу выделила его из всех. Хватким, крестьянским своим умом смекнула: это тебе не просто какой-нибудь интеллигентшишка. Говорила с ним уважительно, но старалась держаться подальше. Зиночка не любила, когда чего-нибудь не понимала, а дядьку этого она не понимала, потому побаивалась. Осторожно поглядывала

вая на высокого, худощавого мужика, расхаживающего между грядками, думала: «Что за сила в этом старике? Да и стариком-то его грех назвать. Вроде и одет, как чучело: курточка – без слёз не взглянешь, шляпа дурацкая, ботинки – на помойке лучше лежат... А всё одно, сразу видно – основательный, коренной, настоящий мужик идёт, не то, что эти. Таким не покомандуешь...»

Зинаида чувствовала всеми фибрами души, что было что-то очень неправильное, даже политически вредное в том, что такой человек проводит своё рабочее время здесь, на грядках с морковкой. Но кому об этом скажешь? И самой лучше не думать о том, что всё равно не понять.

Взглянув на ручные часы, Зиночка облегченно вздохнула: полдень!

– Ну всё, пришло время обеда, отдыхайте! – громко заявила она.

Все знали, что на поле они больше не вернуться, по крайней мере, сегодня. Какая работа после обеда? Да и колхозники отлично понимали:

больше четырех часов на солнце, да с непривычки, не поработаешь.

Сотрудники мыли руки, поливая друг другу водой из бутылок, и подтягивались к «столу». Из сумок извлекались многочисленные пакеты, пакетики и свёртки с бутербродами, яблочками, булками, термосы с чаем и кофе, ну и разумеется, разнокалиберные бутылки с различным содержимым.

Первый тост произнёс Сергей Васильевич, признанный тамада:

– Я хочу выразить благодарность нашему руководству, предоставившему нам прекрасную возможность встретиться вот так, вне формальной обстановки, подышать воздухом, пообщаться, – он осторожно взглянул на Санорского. Тот жевал бутерброд и смотрел куда-то в сторону: он столько раз поднимал вопрос об этой «счастливой возможности» в ректорате, что толку?

Коллеги, поддержав тост бодрыми выкриками, с удовольствием выпили и разом заговорили.

– А вы напрасно иронизируете, коллеги, – обратился Сергей Васильевич к сидящим рядом молодым людям, явно не испытывающим благодарность к руководству. – Вспомните сакраментальную фразу: «Учёный – это человек, удовлетворяющий свое любопытство за счёт государства». За счёт государства, – повторил он, многозначительно подняв палец. – И кому-кому, а нам грех жаловаться, что мы обделены его заботой. Оборудование у нас на уровне мировых стандартов.

– Вот, кстати, – оживился профессор, – завтра к нам приедут представители фирмы из Швеции. Прошу встретить их достойно. – Ну, это уж как водится, – потёр руки Леонид Матвеевич. – Культурная программа и прочее...

– Вот с «прочим» прошу поосторожнее, – охладил его энтузиазм Георгий Владимирович. – В прошлый раз так уходили немцев – бедняги, рады были, что живыми остались.

– Зато какие отзывы из фирмы! Обещали скоро ещё приехать, предлагают реактивы на льготных условиях, – весело оправдывался Леонид Матвеевич.

– Сказано, надо поаккуратней! – вмешался парторг, Сергей Васильевич. – Одно дело – гдэээровские немцы – почти наши люди, а другое – шведы. Капстрана, понимать надо!

Вскоре за первым тостом последовал второй, традиционно – за женщин. Потом были тосты за науку, за мир... Позже особо крепкие товарищи пили уже просто так, без всяких тостов. За хорошим столом, да за дружеской беседой время пролетело быстро.

– Скоро подадут автобус, – Алёша толкнул в бок своего друга. Тот что-то нашёптывал на ухо Светлане.

– Что, автобус? – обернулся Пётр. – Да мы пойдём пешком, здесь до электрички всего-то километров пять-шесть. Прогуляемся, подышим воздухом...

– Ну-ну, в добрый час, – улыбнулся Алексей и, кивнув головой в сторону миниатюрной девушки, тихо добавил: – Помни, что нам говорили старшие товарищи. Побереги себя!

– Будь спок, старенький! До встречи!

Желающих пройти пешком нашлось немало среди молодняка, поэтому сидячих мест в автобусе хватило всем. Всю дорогу назад пели, балагурили... И не заметили, как приехали в город. Тепло распрощавшись с коллегами, Алексей с Борисом направились к своей автобусной остановке – жили они в одном районе, неподалёку друг от друга.

– Ты что же это, домой?

– Да, – обречённо махнул рукой Борька. – Сил уже нет по бабам таскаться, так можно и ноги протянуть! А тут ещё эта «прекрасная возможность» поработать в колхозе!

– Чёрт его знает, а может, действительно, в этой идее что-то есть. Во всяком случае, объединяющее начало налицо. И вообще... Хоть что-то мы сделали на этом поле, помогли колхозу, – размышлял вслух Лёша.

– А почему же во всем мире крестьяне, фермеры справляются со своей работой, кормят не только свою страну, но и экспортируют продукцию? Да ещё какая конкуренция за рынки сбыта! – отрубил приятель.

– О чём только думают наши экономисты, чем занимаются?

– Да им, наверное, тоже некогда заниматься своим делом! Маются где-нибудь на овощной базе или на стройке.

Алексей не мог не признать резонность Борькиных возражений. Ему почему-то стало стыдно и за тех, кто всё это придумал, и за тех, кто, боясь испортить карьеру, участвует в этом фарсе, за себя... Встряхнув головой, решил больше не думать на эту тему. Мало у него своих проблем, что ли? Сроки с диссером поджимают – вот это серьёзно! – Так когда, говоришь, должна подойти новая партия мышей?

– Дня через три-четыре, – удивлённо взглянул на него Борис, – но если надо срочно, дам тебе десятка два своих, вернее, твоих «блэков», для моих экспериментов они уже великоваты.

– Вот и ладушки!

Глава 5

Елена уже с четверть часа стояла перед почти законченной картиной. Безусловно, с профессиональной точки зрения придаться не к чему, вполне зрелая работа. И всё же, что-то в ней не устраивало. Взяла в руки набросок с натуры. Да, здесь всё на месте – очарование первого весеннего дня в Подмоскovie, мягкий, рассеянный свет с неба, трепет оголившихся веточек деревьев, трогательная хрупкость первоцветов. Кажется, от маленького картона исходит аромат талого снега, просыпающейся земли, хвои. Ничего этого на большом холсте нет. Но почему?! В точности сохранена композиция, все пропорции соблюдены, цветовая гамма – один к одному. Чего тут не хватает?

Настроения, быть может?

А как же опыт учителей? Они не уставали повторять, что настоящий профессионал не должен зависеть от сиюминутных настроений. Заказали тебе работу – извольте выдать её качественно и в срок, иначе с тобой никто не будет иметь дело. Преподавателям своим Лена доверяла. Искренне уважала, любила, восхищалась ими. Конечно, она, вместе с другими студентами, подшучивала над ретроградными взглядами стариков на некоторые вещи. Но мастерства их никто не оспаривал, с мнением учителей считались.

– Вам, милочка, – обратилась она менторским тоном к своему отражению в зеркале, – просто-напросто не хватает мастерства. Да-с... Вы – просто лентяйка! Работает, видите ли, когда ей захочется, когда «стих найдёт».

Лена укоризненно покачала головой, машинально отметив, что ей очень идет строгое выражение лица.

– Так и запишем: лентяйка и бездарь...

Вздыхнув, нанесла несколько последних мазков и решительно кинула кисточку в банку с растворителем. Посмотрела на часы: о!.. Быстренько собралась. Вынув одну заколку из пучка волос, нетерпеливо помотала головой. Оставшиеся шпильки, звеня, посыпались на пол, высвободившиеся волосы непослушными длинными прядями закрыли пол-лица. Лена слегка провела по ним расческой, туго перевязала короткой тесьмой.

– Алёна, звонок! Встречай жениха!

Лена поморщилась: знала, отец шутит, вернее, дразнит её, и всё равно злилась – жених, тоже мне!

Олежек, как всегда, явился с цветами. На этот раз в его руках было аж два букета: один пышнее, из темно-красных и белых гвоздик (это, разумеется, маме), другой поменьше – розы. Лена вдохнула аромат бледно-розовых цветов. Едва распустившиеся бутоны источали запах спелой малины.

«Да, неплохо быть врачом в известной клинике! Считай, все бытовые проблемы отпадают сами собой. Попробуй достань в такое время что-нибудь приличное! Что ни говори, живые цветы – это роскошь!»

Как ни фыркала Елена, с некоторых пор Олега принимали в доме как жениха. Олег Толубеев очень симпатичный, интеллигентный парень из профессорской семьи. Был он на десять лет старше её, работал в крупном хирургическом центре, успешно делал кандидатскую. За Леной ухаживал долго и красиво: дарил цветы, редкие книги. Когда у него появлялось свободное время, ходили в театры, на выставки.

Елене нравилось приходиться к нему в клинику на дежурство, наблюдать, как он общается с коллегами, читает больным лекции. Она видела, с каким обожанием на красавца-доктора смотрят пациентки и молоденькие медсестрички, – её это забавляло. Сознание того, что Олег не только приятный во всех отношениях человек, но и хороший врач, серьёзный учёный, было

не последним аргументом в его пользу. В общем, намечался нормальный, прогнозируемый, благополучный брак.

За обедом выпили немного легкого вина. Все знали о цели сегодняшнего визита Олега. Родители, словно оттягивая важный момент, говорили о каких-то пустяках: рассказывали старые анекдоты, задавали гостю никчёмные вопросы, сами же на них отвечали... Олег, уловив крохотную паузу в неудержимом потоке красноречия хозяев, вышел из-за стола, достал из недр огромного «дипломата» бутылку шампанского, водрузил её на стол. В воздухе повисло напряжённое ожидание.

Олег сделал официальное предложение. Говорил он долго, хорошо поставленным, выразительным голосом. Точно так он читал лекции студентам – ненавязчиво, внятно, доходчиво. За это время родители заметно успокоились.

– Если дочка согласна, то мы будем рады принять вас в свою семью, – с улыбкой ответила мама. Отец молча подтвердил её слова.

Олег умело открыл шампанское: пробка с праздничным хлопком ударила в потолок, кипящая перламутровая пена медленно и торжественно сползла по горлышку бутылки. Хрустальные бокалы наполнились искрящимся янтарным напитком. Все разом заговорили.

Отец снял пиджак и расслабил галстук, мама незаметно переобулась в домашние туфли. Лена смотрела на всё спокойно, с какой-то странной отрешённостью: «Наверное, именно так всё и должно быть».

После ухода жениха Лена принялась мыть посуду – мама устала и легла в постель смотреть телевизор.

Пришёл отец:

– Наелся солёного, теперь никак не напьюсь.

Елена внимательно смотрела, как он долго-долго размешивал чай. Ждала – отцу явно хотелось что-то сказать. Эдакое напутственное, и чтоб без мамы.

– Лен, ну как ты?

– Всё в порядке.

– Да?

На лице отца появилось выражение растерянности, даже беспомощности.

– Пап, ты что? Тебе что-то не нравится в Олеге? Скажи, ты же знаешь, как дорожу твоим мнением, опытом.

– Дочка, замужество очень ответственный шаг. Никто, кроме тебя самой, не сможет принять решение за тебя. Ты ещё очень молода.

– Может, не стоит спешить?

– ?..

– Видишь ли... Сегодня на кухне я увидел, невольно, конечно...

– Как Олежек поцеловал меня? Что здесь плохого? Разве мы – не жених и невеста? – пожала плечами Лена.

– В этом нет абсолютно ничего плохого, – сделал отрицательный жест отец, – но ты... Извини, что опять же невольно подсмотрел... Как только Олег отвернулся, ты вытерла губы полотенцем, – выпалил отец и покраснел.

– Вот как? Что-то не припомню, – усмехнулась Елена. – Разве что, машинально?

– То-то и оно. Ты сделала это непроизвольно, и это значит только одно – тебе было неприятно. Согласись, это плоховато вяжется с поведением девушки, влюблённой в своего жениха.

Елена промолчала.

– Дочка, мы с мамой хотим, чтобы ты была счастлива. Сейчас многие стремятся к благополучию и вполне удовлетворяются спокойной обеспеченной жизнью. Но ты... Ты – художник. Сможешь ли ты жить так? По уму, без сердца? Подумай, присмотришь, пока есть время, к нему, к себе.

– Хорошо, я подумаю. Помолвка, ведь ни к чему серьёзному меня ещё не обязывает? – легко согласилась Лена. Ей не хотелось говорить на эту тему с отцом... и вообще ни с кем.

Отец вздохнул и покинул кухню, оставив на столе чашку с остывшим чаем. Лене стало жалко отца, хотела вернуть его, но передумала. «Всё само собой образуется. Подумаешь, вытерла губы полотенцем! Не станешь же объяснять отцу, что вообще терпеть не могу эти дурацкие нежности...»

Её размышления прервала матушка. Плотно закрыв за собой дверь, Марина Андреевна тревожно спросила:

– Леночка, что произошло? Вы повздорили с отцом? Улегся на кровать, не говорит, от самого корвалолом пахнет.

Лена нехотя, в двух словах передала смысл разговора.

– Яс-нень-ко, – протянула мама. – Но знаешь, есть вещи, которые мужчинам трудно понять. Девушке вовсе не обязательно с восторгом принимать ласки жениха. Главное – чувство, так ведь? – Мама пытливо взглянула на дочь. Отсутствующее выражение лица Елены её ничуть не обескуражило. – Всему своё время, дочка. Впрочем, надо с пониманием и уважением относиться к порывам жениха – мужчина есть мужчина! Надеюсь, Олег ничего такого не заметил?

– Нет, он был ужасно взволнован, к тому же выпил больше обычного.

– Вот и славно. Всё идёт, как надо, всё образуется, а отца я сейчас успокою.

Уже на пороге Марина Андреевна вдруг оглянулась и неуверенно произнесла:

– В одном наш папа прав – ты ещё очень молода и красива. Это большое преимущество – не тебя выбирают – ты выбираешь.

Лена удивленно вскинула глаза. Мама уже скрылась за дверью комнаты.

«И мама туда же. Начала за здоровье, кончила за упокой. К чему её последние слова? – Елена устало провела ладонями по лицу – Наверное, родителям не хочется расставаться со мной. Как и мне, впрочем. Рассказать бы всё Тине! Она девушка мудрая, всё понимает, всё объяснит. Скорее бы наступило завтра!»

Глава 6

Утром Елена проспала и чуть не опоздала на лекции. Осторожно просунула голову в дверь аудитории – там никого не было.

– Лен, давай скорее в конференц-зал. Вместо занятий будет общеинститутское собрание, – торопливо сообщила ей новости Тина Геворкян, лучшая подруга Елены.

– Это по какому же поводу? Вчера, насколько я знаю, никаких объявлений не было.

– Объявление вывесили поздно вечером. Тема собрания вроде обычная, типа подведения итогов учебного года, разбор дипломных работ выпускников. Но старшекурсники между собой говорят о готовящемся скандале. Институт с утра гудит как улей. Бежим скорее, нам девчонки забili места у двери. Может, посидим минут десять да слиняем!

Вступительное слово ректора было коротким. Аристарх Владимирович в двух словах подвел итоги учебного года, зачитал по бумажке: сколько и по каким специальностям выпущено специалистов, обрисовал их перспективы, в плане трудоустройства. В общем, всё, как всегда.

Перейдя ко второй части выступления – обсуждению дипломных работ, – бодро назвал особо отличившихся. Имена были давно у всех на слуху, потому встречались шумными аплодисментами и одобрительными возгласами. Даже отъявленные критиканы и скептики были вынуждены признать, что представленные работы в высшей степени профессиональны, даже талантливы. Большинство картин, правда, были написаны на беспроигрышно «социально значимую» тему, и злободневное словосочетание «соцреализм» тихим ветром прошло по всем рядам...

– Это же чистой воды конъюнктура! – шептались салаги-первокурсники.

– Посмотрим, какую тему для дипломной выберешь ты, – невесело усмехались умудрённые опытом старшие студенты. – Девять против четырех – это будет производственная тема.

– Товарищи, прошу вести себя потише, – призвал аудиторию к порядку ректор. И продолжил уже другим, каким-то вымученным голосом: – К великому сожалению, вынужден сообщить, что одна из работ комиссией не засчитана. Студент-дипломник показал свою полную несостоятельность, как профессиональную, так и гражданскую.

В наступившей гробовой тишине кто-то громко ахнул.

– Да что же это такое?! Ну, вызвать на ковер студента, пожурить, посоветовать умерить свои праздные фантазии – не без этого, – шёпотом возмущался Сергей Павлович, в институте он работал не так давно, преподавал цветоведение. От чрезмерного удивления он не заметил, что толкнул локтем своего соседа. – Но лишиться диплома с такой убийственной формулировкой!.. На моей памяти такого ещё не было!

– На вашей памяти, – сделал ударение старший коллега. – Увы, мне это знакомо до боли... Образцово-показательное разбирательство и наказание, чтобы другим неповадно было.

В зале царили растерянность и недоумение – о ком речь? Дипломные работы были вывешены в актовом зале, с ними могли ознакомиться все желающие. Ничего крамольного, никаких поползновений типа сюра или абстракции! Все работы выдержаны в лучших традициях реалистической живописи.

Между тем слово было предоставлено Терентию Ивановичу, парторгу института, преподавателю истории. Он встал и с первых же слов обрушился на провинившегося, им оказался Дмитрий Торшин.

– Я не стану говорить о его профессиональных достоинствах и недостатках. Надеюсь, об этом ещё скажут преподаватели живописи. Перейду к главному. Товарищи, Дмитрий Торшин искажил образ советского человека! Вместо того чтобы отразить духовный мир, идейное превосходство трудящегося человека, он намеренно изобразил тупых, бездумных существ.

Взгляните, – широким жестом фокусника Терентий Иванович скинул покрывало с большой картины и громко прочел её название: «Бригада рыбаков возвращается с путины».

Студенты невольно заулыбались и зашушукались.

На огромном холсте полтора на два метра – изображение пятерых здоровенных мужиков в рыбацких робах. Прекрасное композиционное решение давало возможность рассмотреть во всех деталях многочисленные атрибуты их профессиональной принадлежности. Здесь было и синее-синее море, и песчаный берег, и небольшой фрагмент траулера со снастями. Лица рыбаков были выписаны с особой тщательностью и казались живыми... Суровое, скорее свирепое выражение глаз рыбаков соответствовало их грубым чертам. Это были физиономии пиратов или уголовников со стенда «Их ищет милиция».

– Что этим хотел сказать автор? – тыкнул по холсту пальцем Терентий Иванович.

– Разве я виноват, что у них такие лица? – с самым невинным видом стал оправдываться Димка. – Это и естественно – люди всегда на солёном ветру, солнце, так сказать, профессиональные издержки. Уверяю: я не нарисовал ни одной лишней морщины, у меня и фотографии есть, я их уже показывал высокой комиссии. Между прочим, я специально ездил в Архангельскую область. Жил там, общался с рыбаками.

Елена и Тина переглянулись. Митькины приёмы им были хорошо известны. Он сам не раз с гордостью рассказывал, что на каждом предприятии, где доводилось проходить практику, срывал с Досок почета портреты передовиков производства, а потом делал с них точные копии маслом. За редким исключением, люди на таких фотографиях выходили непохожими сами на себя – с напряженными лицами, с испуганными застывшими взглядами. Народ относился к этому спокойно, даже с юмором. С удовольствием хвастали друг перед другом оригинальными снимками. Просто загадка, как разные мастера в разных лабораториях умудрялись делать такие жуткие портреты.

...Три дня назад они с Тиной вволю порезвились, заполучив такие шедевры, правда, маленькие, фотки для студенческих.

Фотограф, готовясь к съемке, сам себя нахваливал, всё говорил:

– Девчонки, считайте, что вам повезло: попали на такого мастера!

Долго наводил свет, поворачивал голову то так, то сяк. А в результате...

Сначала они сами искали свои карточки в ящике с готовой продукцией и не нашли. Приёмщица, сверившись с квитанцией, нашла их только по номерам.

Тина, не разобравшись, бросила карточки на стол:

– Что вы мне мужчину подсовываете?

– Какой же это мужчина, если это ваш номер?

Лена тоже взяла в руки карточки:

– А это что за индус?

– Судя по номерам, это ваша подруга, – тихо проговорила приёмщица. – Брать будете?

– Обязательно, – выдавила из себя Тина...

А потом они вылетели из мастерской и смеялись до слёз.

Ну а Димка сумел извлечь из этого прямую выгоду. Копии обычных бездарных фотографий, выполненные им в манере старых мастеров, производили потрясающий эффект и воспринимались как настоящий сюр! Картины пользовались большим успехом у московских коллекционеров и даже – у иностранцев. Вряд ли Терентий Иванович обо всём этом знал, но суть дела он ухватил правильно. Притворных Димкиных оправданий выслушивать не стал. Махнув на него рукой, резко прервал:

– Не надо делать из нас дураков! Задача художника – не механистическое копирование черт лица, его цель – передать через них богатый внутренний мир советского человека. А что показали вы? Грубая материальная оболочка, лишённая мысли, чувства, света!

– Ого, а Терентий-то не такой дурак, каким кажется, – с невольным уважением протянул Сергей Павлович.

– ...Каким старается показаться, – тихо поправил его сосед. – Уверяю, в живописи он разбирается не хуже нас с вами. На искусство у него особый нюх, и он, как никто, чувствует фальшь. В конце концов, соцреализм – это тоже своеобразный жанр со своими правилами. Здесь, – он кивнул на картину, – ими осознанно пренебрегли.

Сергей Павлович молча согласился. Положение попытался спасти руководитель дипломной работы, Павел Андреевич Краснов, преподаватель живописи. Митька был его любимчиком. К тому же поговаривали, что и у него самого в мастерской тоже были довольно смелые картины.

– Я думаю, большинство коллег со мной согласятся, что с профессиональной точки зрения работы Дмитрия вне критики – выверенная манера письма, налицо свой стиль, множество интересных, оригинальных находок. Да, в погоне за правдой жизни молодой художник несколько переусердствовал: увлекся точностью воспроизведения натуры, забыв о внутреннем содержании. Но ведь это не криминал. Совершенно очевидно: молодой человек прочно стоит на позициях материалистического видения, и это главное.

Грамотно используя партийную терминологию, Павел Андреевич развернул обсуждение работы в сугубо профессиональную плоскость... В результате: вместо политической диверсии скрытого антисоветчика – сырой материал дипломника.

Кто-то из ребят сзади прошептал:

– Молоток, Андреевич, профнепригодность лучше, чем идеологическое вредительство.

Аристарх Владимирович, пользуясь замешательством парторга, поспешил подытожить выступления. Дипломная картина была забракована, Дмитрию было предложено в ближайшее время представить новую работу, в противном случае не видать ему диплома.

Глава 7

После собрания студенты не расходились. Для обсуждения сегодняшних событий собрались в свободной аудитории. Мнения разделились.

– Допрыгался Митька. Говорили ему – не зарывайся. Можешь для себя делать что угодно, но зачем дразнить комиссию? – высказывалось большинство ребят.

– А по-моему, Дмитрий молодец. Он пишет так, как видит, – попыталась защитить его Верочка Сизова. Все знали, что эта тихоня обожала бунтарей всякого рода. Митька был её кумиром с первого курса.

– И кому он что доказал? – махнул на неё рукой «многообещающий талант» Толик Сорокин. – У каждого из нас есть свои работы, не для широкого показа, и все прекрасно понимают: кесарево – кесарю!

– Верно! – подхватил Сережа Тихомиров, самый взрослый в группе парень. – Димка просто дешёвый позёр – захотел посмеяться над нашими преподавателями, показать их косность, зависимость от конъюнктуры. Но не дурак же он в самом деле, все прекрасно понимают правила игры. Преподаватели и так смотрели сквозь пальцы на его выкрутасы. А он подставил всех их.

– Ну ты скажешь! Что сейчас тридцать седьмой год? – возмутился Витька Сазонов.

– Нет, слава Богу! Но отстранить Пал Андреевича от преподавания, а самого Митьку в психушку – запросто! И стараться особо не надо. Послушать его – и правда подумаешь, все ли у него дома. Видели его коллекцию, портреты работяг?

– А что, мне нравится, – пожал плечами Толик. – Никто не будет спорить, что натуру Димка изображает с фотографической точностью, и техникой старинного письма он овладел в совершенстве. Картинки получаются знатные. Жутковатые конечно – нечто в стиле Брейгеля. Между прочим, его знают даже иностранцы. Говорят, что купили у него несколько вещей.

– А мне противны Димкины выходы, – неожиданно зло бросила Тина. – Это не художественный приём, а дешёвый фокус. И исказил он не образ советского человека, а образ человека вообще. Он поставил себя выше их, показал, что они – быдло!

– И поделом! Обыватели ничего не хотят понимать! – снова вступилась за своего кумира Верочка. – Думаешь, Дима им не показывал портреты? Показывал! Смотрели, и всем очень нравилось. Главная похвала – похоже, как на фотографии.

– А ты знаешь, что он простых женщин называет махрутками?

– А почему бы и нет? Смешно и точно. Ты, Тиночка, прекраснодушествуешь потому, что никогда не выезжала за пределы Москвы, разве что, в чудный город Ереван, – Толик, сложив руки на груди, с усмешкой уставился на девушку. – А я, когда служил в армии, сподобился повидать периферию – настоящую, не киношную. Как-то раз наш сержант нажрался водки и пригласил меня к себе домой (он был местный). Поставил бутылку самогона, собрал местных пьянчуг да непотребных баб и потребовал, чтобы я зарисовал их компанию. Я взял да и нарисовал их такими, как они есть. А сержант – ничего, не обиделся! Говорит: «Всё очень хорошо, только вместо бутылки самогонки нарисуй шампанское». Вот это был сюр! Страшно!

– Они получились у тебя страшными потому, что ты их боялся. Не сочувствовал, не пытался понять, почему они такие. Извини за банальность, но художник тем и отличается от ремесленника, что может подняться над сиюминутными обстоятельствами, способен разглядеть в каждом, даже изуродованном жизненными обстоятельствами человеке личность!

– Верно, Тиночка, молодец! – поддержал её Сергей. – Главная задача художника – отразить первозданную человека, его живую душу.

А Митька не только не защитил своих героев, он их предал. У тех же рыбаков есть жены, дети. Может, сейчас они ещё чего и не понимают, но придёт время – разберутся что к чему. И что тогда? Каково им будет смотреть на своих отцов-дегенератов?!

– Они доверились художнику, как дети, – тихо сказала Елена. – Да, у них ещё не развит художественный вкус, воображение. Но разве это их вина?

– Димке в этом смысле просто повезло. Иначе бы ребята ему так накостыляли, в другой раз будет неповадно издеваться над людьми!

Аргумент Сергея показался слишком тяжеловесным, но убедительным. Дискуссия на этом закончилась, перерыв – тоже. Впереди ещё целый учебный день.

Глава 8

– Потрясающая вещь! – обернулась к подруге Тина. Пропуская зрителей к выходу, они стояли, прижавшись к прохладной стене зала.

– Да, это шедевр! Странно, что премьеры фильма прошла так незаметно, без помпы. Какая мощь!

Лена нащупала в сумочке плитку шоколада, отломала себе ровно половину, другую отдала Тине.

– Гигантский скачок в будущее, просто прорыв!

Засунув в рот сладкий квадратик, Тина была вынуждена замолчать.

И есть хотелось, и высказаться не терпелось.

– Здесь всё то, что может определить новое направление в кинематографе – синтез кино, и театра, и живописи.

– ... и балета, и пантомимы, – вставила Тина. – Пожалуй, только в «Иване Грозном» такое органичное сплетение различных приёмов из разных областей искусства. Жесты, движения так значимы, так выразительны сами по себе.

– Ты заметила, что любое настоящее произведение искусства обладает удивительным свойством: как круги на воде, будит фантазию, новые идеи, желание работать...

– Знаешь, а я всегда спорила с нашими ребятами, когда они говорили, что будущее – за немым кинематографом. Каюсь, была не права. «Великий немой» ещё скажет своё слово! – Тина сняла шуршащую обёртку с шоколада и бросила её в свою сумку. – От натуральных бытовых зарисовок к символизму – неожиданный путь! Странно, что Параджанова знают не так много зрителей.

– Не думаю, что такое кино может быть массовым. Многие называют это лишённым смысла эстетством: искусство ради искусства. Вероятно, надо признать, что есть вещи не для массового зрителя. Ну, куда пойдём?

– Пойдём ко мне, выпьем кофейку, позанимаемся. А потом, ты хотела рассказать про вчерашнее сватовство. Забыла?

Тинина бабушка, Ашхен Баграмовна, встретила подруг радостным возгласом:

– Вовремя пришли, девушки! У меня как раз суп поспел. Мойте руки и за стол.

Девушки спорить не стали. Пока мыли руки, Лена поскулила:

– А можно, я не буду есть первое?

– Не советую отказываться. Во-первых, обидишь бабушку, во-вторых, уверена, что этот суп тебе придётся по вкусу.

Лена с сомнением смотрела на тарелку с белёсой жидкостью, в которой виднелись зёрна то ли риса, то ли пшеницы. Запах, впрочем, был симпатичным, наверное, так пахла плавающая на поверхности ярко-зеленая пряная травка, оживляющая похлёбку. Лена смело взяла ложку и отхлебнула суп.

– Удивительный вкус, что это?

Бабушка Ашхен с удовольствием смотрела на девушек:

– Это похлёбка по старинному армянскому рецепту. Здесь варёные зёрна пшеницы, жареный лук и, главное, тархун, по московскому – эстрагон.

– Вкусно! Ничего подобного не ела. Тина, перенимай опыт, потом и меня научишь!

– На второе – картофельные котлеты с грибным соусом, – объявила бабушка.

Девушки посмотрели на огромное блюдо, в котором, как на картинке, лежали румяные, один к одному, «пирожки». Лена взялась за живот.

– Спасибо, но если можно, попозже.

– Тогда кофе.

Лена с неизменным удовольствием наблюдала за процессом его приготовления. Это был целый ритуал. Обжаривая зёрна, меля их на ручной кофемолке, бабушка Ашхен обязательно напевала какую-нибудь армянскую песню.

Густой ароматный напиток разливали по маленьким фарфоровым чашкам. К нему никогда не подавались сласти – только охлаждённую минеральную воду.

– Да... Вот это кофе! В Москве такой подают только в двух местах, – сказала Лена и в ответ на взгляд бабушки поспешно добавила: – И то не такой вкусный.

Бабушка удовлетворенно вздохнула и покинула кухню.

– А зачем Ашхен Баграмовна всегда так много готовит? – Лена глазами показала на огромное блюдо с картофельными пирожками. – Вас же только четверо!

– В нашем доме принято готовить с расчётом на гостей. Московский обычай предварительно договариваться о своем визите у нас не прижился. В лучшем случае, гости звонят перед самым приходом, и то, чтоб только удостовериться: есть ли кто в доме.

– Но ведь это ужасно неудобно!

– Ничего не поделаешь! Традиция. Мама, конечно, сердится – она хоть и армянка, но родилась в Москве. Ей были в новинку бабушкины порядки. Конечно, гости приезжают не с пустыми руками, поэтому в доме круглый год – редкостная зелень, пряности, виноградные листья для долмы и, конечно, коньяк. О, кстати!

Открыв дверцу шкафчика, Тина достала бутылку и налила в узкие рюмки пахучий напиток.

– А бабушка не будет ругаться?

– Нет, разумеется. У нас, как и во многих странах, где произрастает виноград, не много пьяниц. А потом, к этому напитку у нас особое отношение. Есть даже легенда, что коньяк помог армянам выдержать многомесячную осаду неприятелей. Османы решили взять измом небольшую крепость. Выждали, когда, по всем подсчётам, закончились запасы еды, пошли на штурм и получили достойный отпор. Оказалось, что жители городка сохранили свою силу благодаря запасам сушёных абрикосов и коньяка.

– Да, необыкновенный напиток, – Елена, покачивая рюмку, любовалась игрой цвета, – законсервированное солнце.

– А как пахнет! Чувствуешь?

– Угу. Запах теплой древней земли, спелого винограда!

– Ты очень правильно ощущаешь. Недаром бабушка тебя так любит!

Тина налила ещё по половине рюмочки и уселась напротив.

– Рассказывай, как всё вчера прошло?

Лена пересказала вчерашние события, не забыв упомянуть и пресловутый поцелуй.

– Наверное, со стороны это выглядело очень смешно. Или нелепо. Или...

– По крайней мере, странно. Может, он тебе разонравился?

– Не то чтобы разонравился. Олег – нормальный, хороший парень. Но, знаешь... Недавно я для себя открыла, что он ужасно, просто патологически ревнив. Впервые это заметила в ресторане, – ты же знаешь, он любит вкусно поесть. Ну вот, меня пригласил на танец молодой человек. Разумеется, сначала он спросил разрешения Олега. Обычно я не танцую с незнакомыми людьми, но у того парня было такое открытое, смешливое лицо, а у меня такое хорошее настроение... Да и мелодия была ужасно заводной. Вернулась к столику, Олег – чернее тучи, и даже не пытался это скрыть. В течение четверти часа менторским тоном выговаривал, что я, став его невестой, обязана себя вести соответствующим образом.

– А ты что?

– В общем, решила, что он, наверное, прав. Извинилась, попыталась перевести в шутку: мол, до сих пор мне никто не объяснял права и обязанности невесты. На этом, казалось бы, инцидент был исчерпан. Но, к сожалению, он оказался...

– ... не последним, – понимающе кивнула головой подруга.

Увы! Олег стал делать замечания по поводу того, что я слишком откровенно рассматриваю лица людей, в том числе и мужчин, часто улыбаюсь и много смеюсь. Ему не нравится, что я хожу на выставки и в театры с подругами. Каждый раз приходится оправдываться: «Я ведь хожу с девчонками, только когда ты занят. Кроме того, посещение художественных выставок – это часть моей профессии!» А он будто не слышит. Знай своё: «Без меня – никуда».

– Ты обсуждала это с родителями?

– Как-то раз заикнулась об этом маме, а она отмахнулась: «Все мужчины собственники, так и знай!» С отцом на эту тему я не говорила, но мне кажется, он и сам что-то такое заметил. Недавно смотрели по телевизору исторический фильм, со всякими там страстями-мордастями. Папа вдруг и говорит: «Ревность как болезнь. Чаще всего беспричинная, она мучает, разрушает и самого ревнивца, и тех, кто его окружает». На меня не смотрит, но я чувствую – сказано исключительно для меня.

– Лен, ты знаешь, как я уважаю твоего отца. К его мнению стоит прислушаться. Ты себе представить не можешь, как невыносимо жить с ревнивым человеком.

Лена с удивлением посмотрела на Тину.

– Я тебе не рассказывала, что наша бабушка ушла от деда из-за его ревности? Представляешь: чтобы в то время женщина-армянка сама подала на развод! Можно только догадываться, как он доставал её. Так что мой совет: сто раз подумай, прежде чем связать свою жизнь с Олегом. Взвесь свои силы. Я лично точно знаю: мне не вытерпеть придирок ревнивца.

– Потому ты не хочешь выходить замуж за «своего»?

– Ну да! А у моих родственников на сегодняшний день только эта задача.

– Это так серьёзно?

– Более чем. На данном этапе главное – выиграть время. Годика через два меня будут считать старой девой и позволят выйти замуж за того, кто меня возьмет.

– Дела...

Вот именно. Чувствуешь, насколько твоя ситуация лучше – за тобой свободный выбор! Повстречайтесь с Олегом побольше, попробуй объяснить с ним. Может, он успокоится?

– Едва ли, – обречённо махнула рукой Лена.

– Тогда бросай, сразу бросай, пока не появилась привычка, жалость, всё такое...

– Спасибо тебе, Тиночка. Ты чуть ли не слово в слово повторила слова моего отца. В принципе, я уже всё для себя решила. Сейчас и повод есть для расставания: Олег месяца на три уезжает в Ленинград, будет кого-то замещать на кафедре в Военно-медицинской академии. Насколько я понимаю, ему предлагают там остаться. Может, потому он так и торопится с женитьбой... Ну, ладно! Хватит о грустном, давай лучше посмотрим твои камешки!

Тина с готовностью полезла под кровать. Там, в огромных деревянных ящиках, хранились сокровища – куски различных пород, кристаллы, друзы полудрагоценных камней... Отец Тины, Вазген Ашотович Геворкян, был военным, долго служил на Урале, в Свердловске. Там и начал собирать коллекцию камней.

Елена не могла насмотреться на разноцветные каменные «цветы», сколько бы ни глядела. Название многих минералов Лена уже знала. Она осторожно брала их в руки, поглаживала, всматривалась в таинственную глубину кристалла, любовалась причудливой игрой света... Время за этим занятием летело незаметно. До конспектов в тот день руки так и не дошли.

Глава 9

– Ты снова пришёл домой под утро! – бурчал отец, недовольно глядя на Алёшу.

Тот одновременно одевался, собирал в дипломат бумаги и запихивал в рот бутерброд.

– Всё в порядке, папуль! Мы вчера с ребятами загулялись в центре и не успели в метро до закрытия. Пришлось идти пешком до дома.

Саша Пилерман был с тобой?

– Разумеется, куда ж я без него?

– Вот обормоты! А позвонить трудно было?

– Пап, ну что с нами может случиться в Москве? «Не в лесу, чай, живём, не в Америке».

– Всё равно, когда задерживаешься, надо предупреждать, – всё ещё хмурился Пётр Иванович. – Удивляюсь, в кого только Александр пошёл?! Такая приличная еврейская семья. Папа – профессор, мама – домохозяйка, образованная, милая женщина, а сын – типичный босяк! Ты, впрочем, не далеко от него ушёл!

Алексей поперхнулся хлебом и закашлялся. Пётр Иванович покачал головой, достал из холодильника кефир, надвинув очки, долго всматривался в едва заметные отметины на жестяном кружке. Наконец, удовлетворенно подытожил – свежий. Разлив в тонкие стаканы густой иссиня-белой жидкости точно до узкого ободка на стекле, сделал приглашающий жест:

– Сядь и спокойно поешь. Что это такое – всё время на ходу, всё время всухомятку! Тоже мне, врач называется. Видела бы это мама!

Алексей не стал возражать. Знал – бесполезно.

– Ты помнишь про «годовщину»?

Алексей молча кивнул головой.

– Может, попросить Серафиму Павловну зайти в Елоховскую? Она там часто бывает, – не глядя на сына, осторожно спросил отец.

– Не надо, я сам схожу, мама так хотела. На первый раз пойдём вместе с Сергеем, он всё там знает.

– Добро! Ну, ступай! Посуду я сам помою, у меня в запасе десять минут.

– Спасибо, завтра моя очередь, не забудь напомнить.

– Непременно! А ты не забудь позвонить, если удержишься!

– Сегодня приду пораньше! – уже из прихожей прокричал Алексей. – Сразимся в шахматы. Я должен реабилитироваться за прошлый раз.

– Надежды юноши питают! Постарайся прийти не позже семи, чтобы успеть сыграть партию до «Времени».

В метро повезло – подъехал пустой состав. Но Алеша садиться не стал – боялся заснуть. «Три часа для сна, конечно, маловато. Ну, ничего, на работе отдохну».

Всю ночь он, на пару со своим закадычным другом Сашкой Пилерманом, разгружал вагоны на Курском вокзале. Ни его мэнээсовская зарплата в сто тридцать рублей, ни Сашкины инженерские сто двадцать никак не могли удовлетворить их аппетиты. Надо было покупать книги, приглашать девушек в кино, на выставку, в кафе. Да мало ли подобных растрат у молодого мужчины! Выручали ещё студенческие связи: почти все в их институте подрабатывали на разгрузке вагонов.

Алексею, как и многим детям небедных родителей, свободных денег не давали, по-видимому, в воспитательных целях. Понимая, что делается это исключительно из лучших побуждений, большинство его товарищей принимали этот факт как должное и подрабатывали вместе с нищими студентами, где могли. За ночь можно было заработать пятнадцать-двадцать рублей – ощутимая добавка и к стипендии, и к скромной зарплате. Всё бы ничего – но спать охота!

Сотрудница лаборатории, Ревекка Абрамовна, встретила его появление страшными глазами:

– Ольга вас уже два раза спрашивала, просила зайти! Я сказала, что вы в соседнем корпусе, по общественным делам.

– Ревекка Абрамовна... – прижав руку к груди, поклонился Алёша.

– Только сейчас не стоит идти, – упредила та его движение к двери, – за неимением вас она «снимает стружку» с вашего приятеля.

– Подождём, – сразу же согласился Алексей.

С шефиной у него были нормальные отношения, даже хорошие, как, впрочем, и со всеми коллегами по работе. Он пришёл в лабораторию ещё студентом, на дипломную работу. Коллеги к нему исподволь приглядывались, оценивали. Здесь трепетно отбирали сотрудников, чужие подолгу не задерживались. Их не увольняли, но давали интеллигентно понять, что они не ко двору. Алексей прошел своё испытание успешно.

Дамы признали его вполне перспективным товарищем. Мужчины, с уважением отметив его конкурентоспособность, потеснились. Большинство из них были молоды, уверены в себе и потому щедры. Всем было интересно посмотреть на нового игрока. Петька тоже весьма успешно прошел проверку на гусара, и на вшивость вообще. Профпригодность гарантировала фирма: медико-биологический факультет Второго меда – это школа!

Что касается Ольги... Были у неё некие странности, но Алёша ими легко пренебрегал. Ему было свойственно особое отношение к слабому полу.

Он относился с неизменной, самому порой непонятной нежностью ко всем женщинам: пожилым и молодым, милым и вредным, симпатичным и дурнушкам, умницам и глупышкам. Был с ними всегда галантен, терпелив и снисходителен к их маленьким слабостям.

Женщины это чувствовали, понимали и тоже прощали ему многое. Ольга в том числе. Сколько раз она прикрывала его отсутствие при дисциплинарных проверках! Коллеги принципиально не хотели видеть в ней ничего хорошего, считали синим чулком. А зря! Ольга была весьма привлекательной женщиной, и у неё тоже были свои маленькие тайны.

Петька вышел из кабинета шефины, лицо его пылало.

– Ну что, здорово досталось? За что она тебя чихвостила?

– А... – махнул рукой Петька. – Подумаешь, не подготовил материал для отчета! Сегодня не успел – завтра сделаю, не завтра – так послезавтра. До конца месяца ещё целая неделя. Кому они нужны, отчёты-то наши?

– Нет, Петенька, вы не правы. Отчет – дело святое. Мы за это деньги получаем. Учёным можешь и не быть, но сдать отчеты ты обязан! – изрёк Леонид Матвеевич.

– Надоело все, скорее бы в отпуск!

– Слушай, вчера на вокзале я познакомился с ребятами из МИФИ.

– Студенты?

– И студенты, и аспиранты. Есть дядьки, которые уже лет десять как закончили институт, приходят по привычке на заработки.

Так вот, предлагают на лето пристроиться к ним в стройотряд. Говорят, бригадир у них – толковый мужик, обладает феноменальным чутьём на выгодные подряды. За месяц можно заработать вполне приличную сумму, рублей восемьсот.

– Ого! Неплохо было бы, – зажглись глаза у Петьки. От пасмурного настроения – ни следа. – Заработать бы тугрики и махнуть на недельку на море или в Самарканд!

– На Алтай можно, на байдарках...

– Чернихов, вижу, мои слова не оказали на вас должного действия. Вы опять бездельничаете! – резкий голос шефины вернул друзей с небес на землю. – Если к концу рабочего дня на столе не будет вашего отчёта, можете не рассчитывать на премиальные. Северин, зайдите ко мне!

Алексей, провожаемый сочувственными взглядами, поспешил за Ольгой.

– Ну как, заканчиваешь экспериментальную часть?

– Почти. Через неделю, максимум, через две проведу последнюю серию опытов.

– Смотри, не затягивай! К осени все материалы должны быть готовы. Включаю в план твою апробацию сразу после Нового года. Успеешь подготовиться?

– Без сомнения.

– Вот и хорошо. Кого возьмёшь в рецензенты, подумал?

– От иммунологов – Пименова, от клиницистов – Ветрова.

– Одобрю. Сходи сейчас к нему на кафедру с предложением, напомни о сегодняшней защите, а заодно отдай, пожалуйста, вот это.

Ольга вынула из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. Алексею не раз приходилось выполнять миссию почтальона. Делал он это не без удовольствия. Его забавляло, что лицо Ольги всякий раз при этом покрывалось нежным румянцем, и она становилась похожей на хорошенькую деревенскую девушку. Такой, наверное, она и была бы, если бы не обстоятельства, вынуждающие её в свои неполные тридцать изображать неприступную матрону.

Глава 10

– Заходите, Алексей.

Генрих Моисеевич не без труда поднялся из-за стола.

– Вы по поводу диссертации? Ольга Тарасовна мне говорила. Почту за честь быть вашим рецензентом.

– Благодарю. И вот, пожалуйста, – Алёша протянул из кармана Ольгину записку.

Генрих Моисеевич, не стесняясь его присутствия, торопливо развернул её, пробежал глазами по строчкам.

– Спасибо. Вам, наверное, кажется смешной наша переписка?

– Нисколько. Все знают, что у вас чрезвычайно досужая секретарша. Подзывает к телефону по своему усмотрению.

– Ну что ж, поговорим о деле. Присаживайтесь. А может, кофейку? – С удовольствием.

– С коньком? – полуспросил, полуутвердил Генрих Моисеевич, приоткрывая запертый на ключ ящик стола.

– Не откажусь.

– Слова не мальчика, но мужа.

Генрих Моисеевич налил небольшое количество благородного напитка в пузатые бокалы. Прежде чем выпить, немного покрутил его. Ощутимо тяжелая, бронзовая с золотистыми искрами жидкость медленной волной прошла по радужной поверхности стекла. Воздух наполнился запахом нагретой солнцем земли, винограда и ещё чего-то очень древнего, настоящего, дорогого.

– Чудесный коньяк.

Невольно повторив манипуляции Генриха Моисеевича, Алексей сделал маленький глоток, задержал его во рту. Маслянистая жидкость не обжигала, позволяя различить десятки составляющих восхитительного вкусового букета.

– «Двин», отличный коньяк. Как ни странно, я научился пить его в Европе. Там наливают коньяк в большие, как этот, бокалы.

Это даёт возможность в полной мере насладиться его запахом. Удивительно, что в Армении его пьют маленькими рюмочками.

Остро взглянув на Алексея, Генрих Моисеевич неожиданно спросил:

– Вы нас осуждаете?

– Осуждать кого бы то ни было – не в моих правилах. Женщин – тем более.

– Это делает вам честь. Что ж, за тех, для кого слово «честь» – не пустое слово. За вас.

Допив коньяк, Генрих Моисеевич искоса глянул на бутылку, но потом решительно запрятал её в стол.

– Нуте-с, давайте посмотрим вашу работу. Насколько я понимаю, здесь, в основном, экспериментальные материалы.

– Нет, есть и клиника.

– Любопытно, с этого, пожалуй, и начнём. А вы, чтоб не скучать, можете посмотреть новые журналы. Вы читаете по-английски?

– Стараниями матушки читаю и вполне прилично говорю.

– Замечательно. В «Вирхов архиве» есть интересная статья, как раз по вашей теме. Иммунология сегодня – это самый увлекательный научный роман с продолжением. Открытия сыплются, как из рога изобилия. Уверен: в ближайшее время на этой тучной ниве появятся и достойные плоды, пригодные для нашего брата, практика.

Генрих Моисеевич возводил на себя напраслину. Все знали: он, как никто из практикующих хирургов, интересовался всем новым в науке и не боялся применять это новое в своём деле.

Доктор Ветров в институте занимал видное, даже особенное место. Больные боготворили его, коллеги любили или тайно ненавидели удачливого собрата. Женщины просто обожали...

О его любовных историях ходили легенды. Они были многочисленны, разнообразны и красивы. Уникальность была в том, что почти все дамы знали о его романах, но прощали ему всё.

– Ну что ж, коллега, весьма зрелая работа. В части практического применения слабовата, но это мы поправим.

Генрих Моисеевич опустил голову на сложенные под подбородком руки и внимательно посмотрел на собеседника:

– В вашей работе таится огромный потенциал. Типирование – это начальный этап, крохотный шаг на дороге, ведущей к удивительным возможностям в практической медицине, в хирургии в частности.

– Вы имеете в виду трансплантацию органов?

– Не только и не столько органов. Но отдельных тканей, даже групп клеток.

Алексей затаил дыхание. Профессор озвучил сейчас смутные, невнятные ещё мысли, которые бродили в его голове, как молодое вино, и не могли оформиться. Сейчас все они выстраивались в чёткий ряд: цель, направление поиска.

– Вероятно, надо будет несколько изменить, усилить экспериментальную работу? – предположил Алёша.

– Ничего этого не надо, Сейчас ваша задача: как можно скорее получить степень. От Ольги Тарасовны вам придется уйти. Я сам с ней поговорю. Она женщина умная, поймёт, отпустит. Будем работать вместе.

– У вас на кафедре?

– Нет, в другом институте. Похоже, что заниматься практической хирургией мне скоро не придётся. Может, это и к лучшему.

На этом разговор прервался.

– Генрих Моисеевич, вам уже дважды звонила Корсакова, просила напомнить, что сегодня в два – защита, – сказала заглянувшая в кабинет секретарша.

– Эх, как некстати! Придётся идти. Это дама из вашей лаборатории? Ну и как вам её работа?

– Вполне, – со спокойной совестью ответил Алексей. Работа действительно соответствовала всем требованиям, предъявляемым к соискателям кандидатской степени. Делал её для своей пассивности сам Санорский, так что можно было не сомневаться: всё пройдет гладко.

– Куда же я задевал вопросы, которые должен задать диссертанту? Не хватает, чтобы я их потерял. Избави Бог задать незапланированный вопрос. Диссертантка в обморок упадёт, а с Санорским ссориться – себе дороже.

Перебирая в руках кипу бумаг, Генрих Моисеевич усмехнулся:

– Вижу, вас всё ещё удивляют наши научные, вернее сказать, околонучные игры.

– В общем-то нет, но я не ожидал, что и вы участвуете в них. Мне казалось, что вы очень требовательны к соискателям учёной степени.

– Друг мой, к настоящим учёным, к их исследованиям, выводам и предложениям я всегда отношусь серьёзно. Это чревато последствиями. А ситуация, подобная этой... Наталья Сергеевна – женщина неглупая. Чётко знает, где без вреда для дела сможет получать дополнительные деньги. Будет себе сочинять отчёты о проделанной работе, печатать на машинке статьи шефа. За это её будут включать в них. Надо же как-то жить одинокой женщине!.. А вот эти проклятые вопросы.

Ветров засунул бумажку в карман халата. Озорно взглянув на молодого человека, подмигнул:

– К тому же Наталья – восхитительная хозяйка. Обещала закатить знатный банкет после защиты. Он будет у вас в лаборатории? Надеюсь, там ещё сумеем поговорить.

Глава 11

На защите Лёше удалось-таки немного подремать: Наталья хорошо поставленным голосом студентки-отличницы зачитывала выверенный текст. Выступления рецензентов и оппонентов, ответы на их каверзные вопросы также прошли тихо и пристойно. Общую идиллию чуть не нарушил аспирант с соседней кафедры, задавший нехитрый, но незапланированный вопрос. Наталья растерялась, всё, на что её хватило – стоять с умным видом за кафедрой. На аспиранта все зашушукали и замахали руками: «Какая бестактность! Да кто он такой!»

Молодой человек покраснел, как рак, было очевидно, он готов провалиться сквозь землю.

– Вопрос некорректный, – поднялся со своего места Санорский, официальный руководитель диссертанта, – тем не менее я попытаюсь угадать, что имел в виду наш молодой коллега.

Все, включая «молодого коллегу», облегчённо вздохнули. Санорский в своём выступлении умело совместил и вопрос, и ответ на него.

Аспирант вряд ли слышал пояснения на свой вопрос. Глядя испуганными преданными глазами на профессора, без конца кивал головой и улыбался.

Всё обошлось вполне благополучно. От пережитого волнения у Натальи случилась маленькая истерика. Подруги отпаивали ее корвалолом и шампанским.

– Вот паразит! Откуда только такие берутся!

– Аспирантишка из какого-то захолустья, а туда же, вопросы задавать!

– Ничего, ему мозги прочистят. Главное, всё обошлось. Спасибо шефу. Ну, попудри носик и пойдём. Народ уже заждался за столом.

У дверей Наталью ждал сюрприз – огромный букет. Из-за торчавших в разные стороны зеленых веток едва виднелось лицо провинившегося аспиранта, красное и взволнованное.

– Если вы меня не простите – пушу себе пулю в лоб, – выпалил он заранее приготовленную фразу.

Наталья оглянулась на подруг.

Те закивали головами и зашептали:

– Прости его. Это у него по неопытности. Главное, он не засланный казачок. Видишь, раскаивается!

– Прими букет, а то руководитель его потом со света сживёт. Я знаю Завицкого, он не прощает своим ученикам таких промахов.

Наталья, тяжело вздохнув, снисходительно улыбнулась, приняла букет и даже допустила к ручке.

К столу она вышла в сногсшибательно красивом, специально сшитом к этому дню, платье. Официальная торжественная часть была недолгой. После нескольких, соответствующих случаю слов приступили к угощению.

Изобилие было редким даже для подобных мероприятий: Наталья и сама была превосходной хозяйкой, а тут пришли на помощь её подруги и родственницы. Главным украшением стола, как всегда, были графины с излюбленным напитком. «Клюковина» по праву считалась одним из лучших изобретением советских биохимиков.

У каждой уважающей себя лаборатории был свой рецепт этого «нектара». В ЦИЛе, после тщательных и долгих испытаний, остались два варианта: мужской и женский. Мужской требовал большой выдержки: цельную клюкву заливали разведенным до определенного градуса спиртом и выстаивали тридцать дней. Настой приобретал рубиновую прозрачность и имел вкус хорошей водки и лесных ягод.

Дамский вариант предполагал более быстрое приготовление. Ягода мялась и заливалась спиртом, разбавленным кипящим сахарным сиропом. Через три дня мягкий душистый напиток был готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.